

— Прошу прощения, госпожа.

Тянь Цаньцюэ мгновенно стал бесстрастным, точно лед.

Он редко выходил из себя, но это вовсе не означало, что он не умел злиться. И теперь, когда какая-то женщина тыкала ему в лицо пальцем, через слово чести «выродком» и «монстром», даже в его обычно равнодушной душе шевельнулся гнев.

Отступив на несколько шагов, он уклонился от руки Юнь Суюэ и легким взмахом стряхнул с тыльной стороны ладони капли все еще обжигающей воды.

— «Госпожа»? — Тянь Исюань, словно только и мечтая подлить масла в огонь, негромко рассмеялся. — А ведь она твоя родная мать.

— Мать? — поняв, к чему клонит собеседник, Тянь Цаньцюэ вдруг коротко рассмеялся. — Владыка изволит шутить. Как справедливо заметила госпожа, я — всего лишь чудовище. Но если она действительно моя мать, то кем тогда приходится Поднебесной ее признанная «первая красавица»? Матерью монстра? А кем тогда окажется сам великий владыка дворца, взявший ее в жены? Отцом монстра? Или же владыка готов признать, что супруга наставила ему ветвистые рога, принесла в подоле невесту от кого?

— Тварь! Сдохни! — не дав ему закончить, Юнь Суюэ с яростным криком выбросила руку вперед. Клинок ее меча со свистом устремился прямо к горлу Тянь Цаньцюэ, готовый оборвать его жизнь на месте.

Столкнувшись со столь стремительным выпадом, Тянь Цаньцюэ даже не шелохнулся. Он замер, без малейшего страха глядя прямо в приближающееся ледяное острие.

Раздался резкий звон.

Тянь Исюань с потемневшим лицом щелчком пальца сбил траекторию удара. И все же лезвие успело распороть ткань на плече Тянь Цаньцюэ, оставив на бледной коже кровоточащую царапину.

Почувствовав, как плечо обожгло холодом стали, он не ощутил ни облегчения, ни испуга. В его голове промелькнула лишь одна нелепая мысль:

«Хорошо, что я не послушал Фу-ма и не стал переодеваться перед уходом».

Тянь Цаньцюэ невольно и горько усмехнулся. Он перевел взгляд на задыхающуюся от ярости Юнь Суюэ, а затем — на замершего рядом Тянь Исюаня, и смотрел с тихой, снисходительной насмешкой.

— Уведите госпожу. Ей нужно отдохнуть, — ледяным тоном приказал Тянь Исюань, не отводя тяжелого взгляда от лица юноши, на котором все еще блуждала эта дерзкая улыбка.

Сделав несколько шагов вперед, мужчина вплотную приблизился к Тянь Цаньцюэ и медленно, почти ласково сомкнул пальцы на его тонком горле.

— Ты... — выговорил он вкрадчиво, — так уверен, что я тебя не придушу?

— Вла... — Лань Фэн, до сих пор безмолвно наблюдавший за происходящим, не выдержал и сделал порывистый шаг вперед.

— Брат! — звонкий голос Фан Цин срезал незаконченное обращение. Она впилась в Лань Фэна предостерегающим, строгим взглядом и тихо, но властно процедила: — Это дела нашего владыки. Не смей вмешиваться.

— Сестрица Цин... — Лань Фэн нахмурился. Они безмолвно мерили друг друга взглядами несколько долгих мгновений, пока мужчина наконец тяжело не вздохнул, признавая поражение.

— Ладно. Я понял.

Бросив на Тянь Цаньцюэ полный тревоги взгляд, Лань Фэн резко развернулся и покинул залу.

Проводив его глазами, Фан Цин облегченно выдохнула. Махнув рукой остальным слугам, она увела их прочь, оставив просторный покой в полном распоряжении мрачного Тянь Исюаня.

— Я... не смею... — Пальцы Тянь Исюаня сжимались все сильнее, и слова Тянь Цаньцюэ давались ему с огромным трудом, хриплым, прерывистым шепотом слетая с пересохших губ, но он упрямо цеплялся за каждую фразу, желая закончить: — Разве... великому владыке... трудно лишить меня жизни? Не сложнее... чем раздавить муравья... Я лишь... сказал... правду...

Горло пережало удушье, из груди юноши вырвался судорожный, свистящий хрип.

Бесстрашие и непокорность юноши укололи самолюбие Тянь Исюаня. С тихим, зловещим смешком он сжал пальцы еще крепче. С ледяным любопытством наблюдая, как юноша багровеет, а грудь тщетно пытается сделать хоть глоток воздуха, владыка прошептал почти нежно:

— Повтори. Ну же.

— Я... лишь... сказал... правду... — преодолевая удушающую боль, Тянь Цаньцюэ умудрился выдавить бледную, издевательскую улыбку.

Взгляд Тянь Исюаня окончательно обledenел, хватка сделалась железной. В тишине зала раздался отчетливый, зловещий хруст сжимаемых шейных позвонков.

— Господин, еще мгновение, и вы сломаете молодому господину шею, — бесстрастно подал голос замерший в тени Аньин.

— О?.. — Тянь Исюань слегка повернул голову, впившись взглядом в неподвижную фигуру своего теневого стража. — Ты просишь за него?

Аньин промолчал, опустив голову. Лицо его по-прежнему оставалось непроницаемой маской.

— Ха-ха, чудесно! — Владыка расхохотался и резко разжал пальцы.

Тянь Цаньцюэ рухнул на колени, судорожно хватая ртом воздух. Тянь Исюань же небрежно шагнул к своему телохранителю.

— Аньин, верный мой Аньин... С каждым днем ты дорог мне все больше, — протянув руку, владыка медленно провел ладонью по резким, точеным скулам мужчины, и порочно, сыто усмехнулся.

Теневой страж никак не выдал своих чувств. Он лишь покорно прикрыл глаза, замерев каменным изваянием под чужими пальцами.

Тянь Цаньцюэ согнулся почти пополам, упираясь дрожащими руками в холодные плиты пола. Он хрипел, кашлял и задыхался, зажимая ладонью багровую шею, которая горела огнем.

— Ты хоть понимаешь, во что играешь? — Тянь Исюань присел перед ним, кончиками пальцев коснувшись его побелевшей, влажной от пота щеки.

— Я... знаю, — юноша со слабым усилием дернул головой, уклоняясь от этого ласкового и смертоносного прикосновения. — Знаю, чего добивается владыка.

— Вот как? — Тянь Исюань с любопытством приподнял бровь. Он медленно поднялся, скрестил руки на груди и уставился на распластанного у его ног калеку с высоты своего роста.

— Владыка видит во мне лишь забавную игрушку, — сделав несколько глубоких вдохов, Тянь Цаньцюэ покачиваясь поднялся на ноги. Он посмотрел в глаза хозяина дворца и улыбнулся, хотя в этой улыбке сквозила глубокая, беспросветная тоска. — Наверное, я мог бы покорно сносить ваши причуды... В конце концов, само мое существование — ваша заслуга. Однако... — он посмотрел с горькой печалью, — жизнь моя действительно в вашей воле, но сам я... принадлежу лишь себе. Если владыке угодно забрать долг — берите. Моя жизнь у вас в руках. Но играть по вашим правилам я не стану. Простите.

Он едва заметно склонил голову. В его голосе не было ни вызова, ни рабского страха, лишь твердая, непреклонная решимость. И только едва уловимая дрожь, бывшая его истощенное тело, выдавала, каких усилий стоило это спокойствие.

Тянь Исюань излучал давящую ауру угрозы. Она накрывала покой душной волной, заставляя верить, что смерть наступит в следующее же мгновение.

— Неужели ты думаешь, будто я побоюсь пролить твою кровь? — после долгого молчания искренне удивился Тянь Исюань.

Вдруг он весело прищурился, и смертоносная аура развеялась без следа, уступив место привычной безмятежности.

«Не боишься смерти? Что ж... Посмотрим, на сколько тебя хватит».

— Я уже сказал: эта жизнь — ваш дар. Если решите забрать его — я не стану сопротивляться, — юноша прикрыл глаза.

Он выглядел безразличным, но в груди темной волной поднималась щемящая, безысходная тоска.

«Неужели и в этой жизни, как и в прежней, моя судьба никогда не будет принадлежать мне?»

«Его собственная жизнь? Какая глупость...» — Тянь Исюань лениво приподнял бровь.

«Впрочем, на сегодня развлечений достаточно. Пьеса сыграна».

— Ступай, — небрежно взмахнул рукой владыка, теряя интерес к разговору. — С глаз моих.

— Благодарю, владыка, — Тянь Цаньцзюэ отвесил вежливый поклон и, развернувшись, медленно побрел прочь.

Не успел он пройти и половины дороги к своему жилищу, как его окликнул знакомый голос:

— Старший молодой господин!

Лань Фэн ждал его под тенью вековых деревьев.

— Неужели вам так трудно просто склонить голову? — тихо спросил учитель, с плохо скрываемой горечью глядя на багровые полосы, наливающиеся на хрупкой шее юноши.

— Учитель, я и так никогда не задираю нос, — Тянь Цаньцюэ попытался улыбнуться. Голос его звучал спокойно, почти обыденно, но Лань Фэн ясно видел, как мелко дрожат его плечи под тонкой порванной тканью.

— Вы прекрасно понимаете, о чем я, — вздохнул Лань Фэн. Сердце его болезненно сжалось от жалости к этому хрупкому, изломанному юноше.

— Понимаю... — Тянь Цаньцюэ ненадолго умолк, глядя на кружащиеся в воздухе сухие листья. — Поклониться не так уж трудно. Стерпеть обиду тоже можно. Но куда труднее жить дальше, когда от тебя ничего не осталось. Я провел в Дворике Опавшего Ветра семь долгих лет. Вы, учитель, наставляете меня уже три года и хорошо изучили мой нрав. Я не гордец и не бунтарь. Но даже у такого безвольного калеки есть предел. Я все еще человек. — Он поднял глаза на Лань Фэна, и на его губах заиграла слабая, извиняющаяся улыбка. — И мне хочется сохранить хоть каплю человеческого достоинства. В смерти нет ничего страшного... — Юноша осторожно коснулся пальцами ноющего горла и тихо, невесело рассмеялся: — Страшнее всего — родиться человеком, а влачить существование безвольной скотины.

— Я... понял, — Лань Фэн глубоко вздохнул, не отрывая взгляда от хрупкой, но поразительно прямой фигуры Тянь Цаньцюэ. В глубине его души зародилось невольное уважение к этому обреченному юноше.

Цаньцюэ коротко кивнул учителю на прощание и медленно побрел дальше, к своему тихому прибежищу.

— Молодой господин! — окликнул его Лань Фэн, когда фигура юноши уже начала растворяться в вечерних сумерках.

— Держитесь... чего бы это ни стоило, — прошептал Лань Фэн вслед обернувшемуся на миг юноше. Учитель и сам не понимал, что чувствует сейчас больше — горькую жалость или робкую надежду.